

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>
УДК 94-054.72(560) (470.621)

Исламский фактор и адыгская (черкесская) эмиграция в Османскую империю XIX века: к проблеме интерпретации в контексте этнологического и диаспорального подходов

С.Г. Кудаева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
svetlana_asku@mail.ru*

Аннотация. Введение. Актуальность исследования определяется его значимостью в историографии Кавказской войны и связанного с ней массового переселения адыгов в Османскую империю, где сохраняется дискуссия о роли исламского фактора. Господствующая парадигма, унаследованная от советской науки, склонна абсолютизировать значение мюридизма как идеологической платформы сопротивления, безосновательно экстраполируя дагестанскую модель на иную социально-политическую реальность Северо-Западного Кавказа. Эти конструкции требуют критического переосмысливания с привлечением междисциплинарных подходов.

Материалы и методы. Использование потенциала этнологии и диаспоральных исследований позволяет интерпретировать религиозный элемент не как самодостаточный двигатель миграции, а как один из многих факторов, занимавших подчиненное положение относительно фундаментальных основ адыгского социума. Цель исследования – анализ масштабов и специфики воздействия исламской идеологии на переселенческое движение через призму устойчивых этнокультурных констант.

Методологическую основу составили принципы историзма, научности и объективности в сочетании с ретроспективным и кросс-культурным анализом.

Результаты исследования. На основе критического анализа историографии и теоретического аппарата этнологии обоснована позиция, согласно которой религиозная составляющая не являлась детерминирующей причиной исхода.

Обсуждение и заключение. Утверждение о доминирующей роли исламского фактора является научным упрощением. Адыгский этнос представлял собой сложную, стабильную систему, где центральное место занимали автохтонные социокультурные механизмы – этическая система «адыгагъэ» и свод норм «адыгэ хабзэ». Эти структуры выступали основными идентификационными матрицами, нивелировавшими влияние внешних идеологий и определявшими специфику восприятия миграции.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Османская империя, Кавказская война, адыги (черкесы), этнос, эмиграция, ислам, мюридизм, адыгагъэ, адыгэ хабзэ, этническая идентичность, диаспора
Для цитирования: Кудаева С.Г. Исламский фактор и адыгская (черкесская) эмиграция в Османскую империю XIX века: к проблеме интерпретации в контексте этнологического и диаспорального подходов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 29–40. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>

The Islamic factor and the Adyghe (Circassian) emigration to the Ottoman Empire in the 19th century: revisiting the interpretation in the context of ethnological and diaspora approaches

S.G. Kudaeva

Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
svetlana_asku@mail.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the research is determined by its significance in the historiography of the Caucasian War and the associated mass migration of the Adyghe to the Ottoman Empire, where the role of the Islamic factor remains controversial. The dominant paradigm, inherited from Soviet scholarship, tends to absolutize the significance of Muridism as an ideological platform for resistance, groundlessly extrapolating the Dagestani model to the different socio-political reality of the Northwest Caucasus. These constructs require critical rethinking, drawing on interdisciplinary approaches.

The materials and methods. Harnessing the potential of ethnology and diaspora studies allows us to interpret the religious element not as a standalone driver of migration, but as one of many factors that occupied a subordinate position relative to the fundamental foundations of the Adyghe society. The goal of the research is to analyze the scale and specific impact of the Islamic ideology on the migration movement through the prism of stable ethnocultural constants. The methodological basis has been formed by the principles of historicism, scientific approach, and objectivity, combined with retrospective and cross-cultural analysis.

The research results. Due to a critical analysis of historiography and the theoretical framework of ethnology, it has been substantiated that religious affiliation was not the determining factor in the outcome.

Discussion and Conclusion. The assertion that the Islamic factor played a dominant role is a scholarly oversimplification. The Adyghe ethnic group represented a complex, stable system, in which indigenous sociocultural mechanisms – «the Adyghe» ethical system and «the Adyghe khabze» normative system – occupied a central place. These structures served as the primary identification matrices, neutralizing the influence of external ideologies and defining the specific perception of migration.

Keywords: the Northwest Caucasus, the Ottoman Empire, the Caucasian War, the Adyghe (Circassians), ethnicity, emigration, Islam, Muridism, Adyghe, Adyghe Khabze, ethnic identity, diaspora

For citation: Kudaeva S.G. The Islamic factor and the Adyghe (Circassian) emigration to the Ottoman Empire in the 19th century: revisiting the interpretation in the context of ethnological and diaspora approaches. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025; 17(4): 29–40. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>

Введение. Актуальность проблемы обусловлена тем, что историография Кавказской войны и сопряженного с ней масштабного переселенческого движения адыгского населения в пределы Османской империи традиционно включает в себя острую и продолжительную дискуссию о значимости исламского фактора. Сложившаяся в советский и частично в постсоветский период исследовательская парадигма зачастую апеллирует к концепту мюридизма как идеологической основы сопротивления без должных оснований, экстраполируя дагестанский опыт на социально-политический ландшафт Северо-Западного Кавказа. Однако подобный подход, при всей его внешней логичности и кажущейся универсальности, требует основательного критического пересмотра и методологического углубления за счет привлечения более широкого междисциплинарного инструментария.

Обращение к теоретическим конструктам теории этноса и, в особенности, теории диаспоры, позволило выстроить многомерную объяснительную модель, в рамках которой религиозный компонент рассматривается не как самодостаточная и первичная причина исхода, а как один из множества взаимосвязанных факторов, взаимодействовавших и зачастую вторичных по отношению к фундаментальным, цивилизационным основам адыгского общества. Целью настоящего исследования является детальный анализ степени и характера влияния исламской идеологии на переселенческий процесс сквозь призму устойчивых этнокультурных констант, сформировавших уникальный ethos адыгского народа.

Обзор литературы.

Эволюция историографических подходов к изучению Кавказской войны и мюридизма в контексте освободительного движения адыгов. Освободительная борьба адыгских народов Северо-Западного Кавказа, представляющая собой важнейшую составляющую Кавказской

войны XIX века, нашла свое многоплановое отражение в трудах отечественных историков. Формирование исследовательской традиции началось еще в дореволюционный период, когда такие видные ученые, как В.А. Потто, Ф.А. Щербина и С. Эсадзе, осуществили масштабную работу по сбору, систематизации и первоначальному анализу обширного фактического материала, посвященного истории горского сопротивления адыгов Северо-Западного Кавказа [1]. Среди них фигура Ф.А. Щербины занимает особое место. В своем фундаментальном труде «История Кубанского казачьего войска», созданном на основе скрупулезного изучения многочисленных архивных документов, историк не обошел вниманием и проблему проникновения идей мюридизма в среду западных адыгов. Пристальный интерес Ф.А. Щербина уделил личности третьего наиба Шамиля-Магомед-Амину, давая его деятельности в целом позитивную оценку и характеризуя его как «цельную личность политического деятеля, действовавшего в интересах горцев разумно и целесообразно» [2].

Ценный пласт источниковой базы составляют историко-мемуарные произведения современников событий – Е.Д. Фелицына, Н. Карлгофа, Н.А. Волконского, И. Дроздова [3]. Их работы содержат не только детальные описания военных операций царской армии против горцев, но и ценные наблюдения за внутриполитической обстановкой в Черкесии, а также анализ деятельности наибов Шамиля, направленной на распространение влияния имамата на Северо-Западном Кавказе.

Непосредственно феноменом мюридизма как идеологии и социально-политической практики занимались военные историки К.И. Прушановский и Р.А. Фадеев [4]. Последний, в частности, в своих работах предпринял попытку дать комплексную характеристику мюридизму и его восприятию горскими обществами,

подчеркивая его консолидирующй потенциал и роль в мобилизации народов Северо-Западного Кавказа на борьбу за независимость [5].

Особый ракурс в освещение событий привносят труды адыгских просветителей XIX века, среди которых наиболее значимой фигурой является Хан-Гирей. Его фундаментальные «Записки о Черкесии» стали итогом глубоких изысканий и наблюдений [6]. Будучи непосредственным участником дипломатических миссий российской администрации в 30-е годы XIX века, ставивших своей целью добиться добровольного присоединения адыгов к России, Хан-Гирей являлся последовательным сторонником стратегии «мирного» покорения. Однако его усилия не нашли поддержки в правительственные кругах, где в тот период доминировала концепция военного захвата адыгских территорий. Следует отметить, что Хан-Гирей не был единственным представителем адыгской интеллигентии, выступавшим за конструктивный диалог с Российской империей. В этом же ключе высказывались такие мыслители, как Казы-Гирей, основоположник адыгской литературы Шора Ногмов и Адыль-Гирей [7].

В советский период развитие историографии освободительного движения горцев оказалось неразрывно связано с именем академика М.Н. Покровского [8]. В своих работах он аргументированно связал генезис и эскалацию освободительной борьбы с жесткой карательной политикой, инициированной генералом А.П. Ермоловым в период его командования войсками на Кавказе с 1816 по 1826 год. При этом М.Н. Покровский отметил и объединяющую роль мусульманской религии в условиях северокавказского общества. Поднятые им вопросы получили дальнейшую разработку в исследованих кавказоведов следующего поколения, среди которых выделяется работа С.К. Бушуева, детально проанализировавшего государственное устройство имамата и

социально-экономическую политику, проводимую Шамилем [9].

Существенным рубежом, оказавшим деструктивное влияние на объективность исторической науки, стало опубликование в 1950 году печально известной псевдонаучной статьи Мир Джафара Багирова, занимавшего в тот период пост партийного лидера Азербайджана [10]. Эта публикация положила начало насильтвенной переоценке национально-освободительного движения северокавказцев в заданном идеологическом ключе, т. е. объявила его реакционным, находящимся «на службе у английского капитализма и турецкого султана». Это заметно исказило выводы ряда исследователей, включая А.В. Фадеева, А.Д. Даниялова и И.А. Смирнова [11].

Доминирование багировской «концепции» в историографии сохранялось вплоть до весны 1956 года, когда в дискуссионном порядке появилась статья А.М. Пикмана, поставившая своей задачей кардинальный пересмотр устоявшихся оценок характера мюридистского движения на Кавказе [12]. Пикман подверг аргументированной критике тезис о его реакционности и призвал научное сообщество положить конец фальсификации истории борьбы кавказских народов [13].

В конце 50-х годов инициативу пересмотра устаревших подходов продолжил А.В. Фадеев, который одним из первых обратился к коллегам с призывом акцентировать «завоевательный характер политики царизма» и отказаться от трактовки движения горцев как сугубо реакционного. Его поддержал И.А. Смирнов, который признал мобилизирующую роль мюридизма в борьбе «против царизма и его колониальной политики на Кавказе» [14].

Современный этап развития кавказоведения характеризуется значительным углублением и диверсификацией исследовательских методик, что находит отражение в работах таких ученых, как А.Ю. Чирг, А.Т. Керашев, А.Х. Бижев, М.М. Блиев, В.В. Дегоев и А.Д. Панеш

[15]. Монография А.Д. Панеша – «Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864)» – представляет особый интерес. Автор приходит к выводу, что экспансионистские планы Шамиля по распространению территории имамата на запад, в частности на Кабарду, изначально были обречены на провал в силу фундаментальных цивилизационных различий между обществами Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа.

В качестве ключевых объективных причин, предопределивших эту историческую ситуацию, исследователь выделяет:

Коренные различия в социальной организации:

– В Чечне и Нагорном Дагестане доминирующей социальной формой являлись конфедерации самоуправляемых сельских общин (джамаатов), в которых институт наследственной аристократии был в значительной степени упразднен. Внедряемая имаматом шариатская правовая система выступала в данном контексте единственным инструментом преодоления правового партикуляризма и нивелирования сословных привилегий, укорененных в нормах обычного права (адата).

– В Кабарде, напротив, сформировалась жестко иерархизированная сословная структура с доминирующей ролью княжеской аристократии (пши-оркъ) и наличием многочисленных зависимых сословий. Социальный порядок здесь поддерживался и санкционировался сверху, а крупные семейные общины (фамилии) служили экономическим фундаментом могущества правящей элиты, что создавало непреодолимый барьер для интеграции в теократический проект имамата.

Глубинные культурно-религиозные различия:

– Народы Чечни и Дагестана прошли через более глубокую и раннюю исламизацию, восприняв ортодоксальный шафиитский мазхаб непосредственно из центров мусульманской учености Ближнего Востока.

– В Кабарде проникновение ислама, осуществлявшееся опосредованно через Крымское ханство и Османскую империю, носило более поверхностный и синкретичный характер, сохраняя мощный пласт домусульманских верований и практик. Здесь утвердился ханафитский мазхаб, отличавшийся большей правовой гибкостью и терпимостью по отношению к местным адатам.

Таким образом, А.Д. Панеш утверждает, что базовые социокультурные параметры этих обществ – принципиально различная социальная организация и противостоящие друг другу правовые и религиозные традиции (ортодоксальный шафиитский фикх или адаптивный ханафитский мазхаб) – объективно исключали возможность успешной интеграции Кабарды в состав централизованного теократического государства имамата.

Существенный вклад в изучение проблемы вносят и работы историков черкесского зарубежья. В монографиях Хавжоко Шаукат Муфти и Нихада Берзеджа дается комплексный научный анализ феномена адыгского мухаджирства [16]. В специальном разделе «Мюридизм в Черкесии» Х.Ш. Муфти, признавая значительные организационные успехи Магомед-Амина в объединении части адыгских обществ на платформе шариата, справедливо отмечает, что эти объединительные процессы носили очаговый и локальный характер, не приведя к созданию устойчивого общеадыгского политического образования.

Принципиально важной представляется концепция Мухадина Иззета Кандура, изложенная в его работе «Мюридизм. История Кавказских войн (1819–1859)». Исследователь интерпретирует мюридизм как яркую форму «проявления кавказского национализма, основанного на глубокой преданности вере и имеющего главной целью объединение и изгнание чужаков». При этом М.Х. Кандур делает методологически важное замечание, подчеркивая, что «особенности формы или содержания

любого национализма в значительной степени диктуются традициями и чаяниями каждого отдельного народа», указывая тем самым на вариативность и зависимость идеологии от конкретного этнокультурного контекста [17].

Подводя итог, следует констатировать, что в современной науке не существует единой консенсусной точки зрения на природу и роль мюридизма в освободительном движении народов Северного Кавказа. Часть исследователей по-прежнему настаивает на трактовке мюридизма как идеологического обоснования набеговой системы. Однако подобный подход представляется недостаточно аргументированным, поскольку он не способен адекватно объяснить глубинные причины и масштабы такого сложного и продолжительного исторического феномена, как Кавказская война. Широко распространена и альтернативная позиция, сторонники которой отрицают мюридистский характер борьбы кавказских горцев против царской экспансии. Наиболее же репрезентативной и аргументированной видится точка зрения, согласно которой мюридизм, будучи тесно спаянным с исламом, был инструментально использован наибами Шамиля в Черкесии в качестве идеологического ресурса для политической мобилизации и консолидации адыгских обществ в экстремальных условиях борьбы за национальное выживание и независимость.

В статье осуществляется попытка комплексного переосмысливания роли и места исламского фактора в процессе массового переселения адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в Османскую империю в XIX столетии. На основе скрупулезного критического анализа устоявшихся историографических подходов и с привлечением теоретического аппарата современной этнологии и диаспоральных исследований обосновывается позиция, согласно которой религиозная составляющая не являлась детерминирующей или

первостепенной причиной в принятии решения об исходе.

Материалы и методы. Цель исследования заключается в анализе масштабов и специфики воздействия исламской идеологии на переселенческое движение через призму устойчивых этнокультурных констант, сформировавших уникальный этос адыгского народа и определивших его историческую траекторию в переломный период.

Реализации поставленной цели способствовало использование в качестве конкретно-научной методологической основы фундаментальных принципов исторической науки – историзма, научности и объективности. Указанные принципы в сочетании с инструментарием ретроспективного анализа и применением кросс-культурного подхода позволили вывести комплексное осмысление данной проблемы на качественно новый теоретический уровень.

Использование основополагающих положений этнологии и, в особой степени, диаспоральных исследований дает возможность построить многоуровневую аналитическую конструкцию. В ее рамках религиозный элемент интерпретируется не в качестве самодостаточного и первичного двигателя миграционных процессов, но как один из множества взаимовлияющих факторов, зачастую занимавших подчиненное положение относительно фундаментальных цивилизационных основ адыгского социума [18].

Обсуждение и результаты.

Мюридизм на Северо-Западном Кавказе: проблемы рецепции и ограниченность влияния. Как справедливо отмечается в исторической литературе, распространение мюридизма – военно-религиозной идеологии освободительного движения, ассоциирующейся преимущественно с именем имама Шамиля, – среди разрозненных адыгских обществ носило крайне неравномерный, фрагментарный и поверхностный характер. Статистические

данные, приводимые рядом исследователей (например, Мухадином Кандуром), однозначно свидетельствуют о маргинальной доле собственно мюридов в общей структуре мусульманского населения Российской империи на Кавказе [19].

Прежде чем утверждать об определяющей роли мюридизма, необходимо провести четкую дифференциацию между ним как мистико-аскетическим суфийским учением (тарикат), с его сложной иерархической структурой (шариат, тарикат, хакикат, марифат), и мюридизмом как сугубо политической идеологией и инструментом мобилизации, использовавшимся в конкретных военно-политических целях. Как указывает Исмаил Беркок, в условиях Кавказа тарикат зачастую воспринимался адатами, скорее, как «воинский культ» или социальный институт, призванный консолидировать разобщенное население для борьбы с внешним противником. Однако, как подчеркивает М. Кандур, для достижения этой цели требовалось не поверхностное заимствование риторики, а глубокое, догматическое погружение в ислам, формирования единого религиозного правового поля, чего в массе адыгского населения, сохранявшего приверженность нормам обычного права (адата), так и не произошло.

Авторитетные российские кавказоведы (М.В. Покровский, В.Г. Гаджиев) сходятся во мнении, что освободительная борьба большинства адыгских племен и субэтносов (за исключением отдельных групп абадзехов, натухайцев и убыхов) протекала вне прямой организационной и идеологической связи с мюридистским движением Дагестана и Чечни [20].

Анализ внутренних социальных процессов в адыгском обществе позволяет утверждать, что движение мюридизма не приобрело характера массового и единого вооруженного выступления именно в силу глубоких внутренних социальных противоречий (например, между дворянством и крестьянством) и отсутствия единой, при-

нимаемой всеми сословиями идеологической платформы. Царская администрация, в свою очередь, в своей аналитической переписке фиксировала существенные различия в интересах и устремлениях отдельных классов адыгского общества, что делало маловероятным общеадыгское восстание, сплоченное исключительно на религиозной почве.

Это подтверждается и архивными документами. Власти Российской империи давали в целом объективную и сбалансированную оценку положению дел в регионе. В одном из официальных донесений, посвященных деятельности наиба Шамиля на Западном Кавказе, указывалось, что из-за серьезных различий в интересах отдельных общественных классов среди местного населения в обозримом будущем едва ли следует ожидать масштабного и единого восстания против российской власти [21].

Отсутствие у наибов, в особенности у Мухаммед-Эмина, глубоких познаний в тонкостях общественного устройства «аристократических» адыгских племен заставляло их проводить гибкую политику, заключая временные союзы то с одной, то с другой влиятельной группировкой. Мухаммед-Эмин, вынужденно признавая авторитет княжеской знати, шел на определенные уступки в ее пользу, давая обещания «укрепить власть этих князей, добившись от подчиненных им дворян и простого народа безусловного подчинения» [22]. Подобные заверения находили определенный отклик у некоторой части знати, что вело к их временному сотрудничеству с ним.

Примечательно, что даже в разгар Крымской войны тфокотли (свободные крестьяне), принадлежавшие к «аристократическим» племенам, не поддались на интенсивную пропаганду Мухаммед-Эмина и не поддержали вооруженную борьбу на стороне османо-англо-французской коалиции, несмотря на щедрые посулы обретения независимости от собственных князей.

Что касается так называемых «демократических» племен, то внедрение среди них идей мюридизма встречало еще больше трудностей. Главной социальной базой движения в этой среде выступали старшины. Действия российской администрации, которая проявляла повышенное внимание к адыгской аристократии и зачастую игнорировала интересы старшин шапсугов, натухайцев и абадзехов, в целом содействовали усилению среди последних симпатий к Османской империи. В то же время собственная гибкая тактика османского правительства, лавировавшего между тфокотлями и князьями, приводила к тому, что многие представители «аристократических» племен видели для себя выгоду в налаживании контактов с царской администрацией.

Адыгское общество в XIX веке: устойчивость традиционной культуры и внешние идеологические влияния. Ключ к пониманию ограниченности и специфики влияния исламского фактора лежит в анализе духовно-культурного фундамента адыгского этноса, чья устойчивость оказалась поразительной в условиях внешнего давления. Многие современные исследователи (Б.С. Агрба, С.Х. Хотко) выдвигают и аргументируют тезис о глубоком влиянии древней автохтонной системы – друидизма – как архаичной религиозной практики, вплоть до середины XIX века сохранявшей доминирующие позиции в конфессиональном пространстве Черкесии. Именно друидизм, по их мнению, на протяжении веков создавал мощный культурный барьер, препятствовавший полной и тотальной христианизации и исламизации региона, выступая стержнем конфессиональной самобытности и синcretизма [23].

Однако еще более значимым и действенным представляется комплекс этических норм и мировоззренческих представлений – «адыгагъэ» (черкесство), воплощенный в неписаном, но тщательно регламентированном и соблюдаемом сво-

де правил и установлений «адыгэ хабзэ». Как убедительно доказывает в своих работах Б.Х. Бгажноков, адыгский этикет был не просто сводом правил поведения, но квинтэссенцией нравственного опыта народа, универсальным механизмом его культурной самоорганизации и социального воспроизводства, определявшим характер мышления, модели поведения, языковые паттерны и всю систему социальных отношений. «Адыгагъэ» выполнял функции, которые у многих других народов были делегированы институционализированной религии, выступая, по сути, универсальным социальным регулятором и основой этнической идентичности [24].

Эта фундаментальная мысль находит свое развитие и в работах К.Х. Унежева, который прямо указывает, что религия в ее ортодоксальном, догматическом виде никогда не играла у адыгов столь важной и первостепенной роли, как, например, у народов Дагестана или Ближнего Востока. Требования и ислама, и христианства неизбежно «растворялись», ассимилировались и трансформировались в более широком, всеобъемлющем и обязывающем нормативном поле «адыгэ хабзэ». Таким образом, ислам, проникая в адыгскую среду, не вытеснял и не замещал традиционную этическую систему, а накладывался на нее, адаптировался с нею и зачастую сублинировался, занимая подчиненное по отношению к «адыгагъэ» положение [25].

Переселение как системный кризис: место религиозного фактора в иерархии причин. Рассматривая проблему переселения через призму теории диаспоры, где ключевым критерием классификации является вынужденный характер исхода, становится очевидной вторичность и производность религиозного мотива в общей структуре причин. Основными драйверами, обусловившими исход, выступили объективные факторы, выражавшиеся в:

– разрушении традиционных социально-экономических структур адыгского общества (натухайцев, шапсугов, абадзехов и др.);

– прямом и косвенном воздействии Османской империи, которая была напрямую заинтересована в переселении значительных масс мусульманского населения для решения собственных демографических и военно-политических задач на балканских и анатолийских рубежах.

В этом контексте исламский фактор, безусловно, присутствовал, но не в роли катализатора, а, скорее, в функциях сопутствующего характера:

– общий с Османской империей религиозный дискурс («единоверная Турция») облегчал официальную пропаганду переселения и придавал ей видимость легитимности в глазах части общества;

– для части старшин и дворян, не нашедших места в новой, пророссийской системе координат, протурецкая и происламская ориентация стала формой политического выбора и сохранения социального статуса;

– элемент коллективной идентичности в диаспоре, который проявился уже в условиях жизни в инокультурной среде Османской империи. Ислам начал играть постепенно возрастающую роль как консолидирующий маркер отличия от иноверного окружения и как одна из основ формирования новой, диаспоральной общинной идентичности, что, однако, не отменяет ретроспективный характер данного процесса.

Таким образом, неправомерно рассматривать переселение адыгов как прямое следствие или логический результат их фанатичной приверженности мюридизму или исламу в целом. Религия стала

не двигателем исхода, но одним из культурно-политических языков, на котором осмысливалась, описывалась и отчасти оправдывалась трагедия народа, вызванная, в первую очередь, комплексом внешних и внутренних причин военно-политического и социально-экономического характера.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать обоснованный вывод о том, что тезис о доминирующей или определяющей роли исламского фактора в переселении адыгов в Османскую империю является научным упрощением, не выдерживающим проверки при обращении к конкретно-историческому материалу. Гораздо более продуктивным и эвристичным является подход, рассматривающий адыгский этнос как сложную, стабильную и высокоорганизованную социокультурную систему, чья жизнедеятельность и реакция на вызовы эпохи регулировались в первую очередь внутренним культурным кодом – универсальной этической системой «адыгагъэ». Именно эта глубоко эшелонированная система ценностей, а не внешние религиозные догмы, составляла несущий духовный стержень народа и определяла параметры его адаптации и сопротивления.

Обращение к теоретическим конструктам этнологии и диаспоральных исследований позволяет вывести академическую дискуссию из плоскости конфессионального детерминизма в плоскость многомерного системного анализа крупномасштабного исторического явления, что вносит существенные коррективы в сложившиеся историографические стереотипы и способствует формированию более адекватной научной концепции истории адыгов в переломном XIX веке.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Потто В.А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). Ставрополь, 1994; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1/2; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.
2. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 555.
3. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10; Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. 28. М., 1860; Он же. Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861, г. Тифлис, 1860; Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886; Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 год // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886.
4. Прушановский К.И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны, учения о нравственном элементе человека в Дагестане с 1823 по 1843 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. 23. С. 1-73.
5. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 5. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 37.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
7. Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 107-165.
8. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 179-229.
9. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939.
10. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13.
11. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе // Вопросы истории. 1951. № 9; Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // Вопросы истории. 1950. № 9; Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10.
12. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. № 3.
13. Там же. С. 81.
14. Смирнов Н.А. Характерные черты идеологии кавказского мюридизма // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. С. 177.
15. Чирг А.Ю. Поборник независимости нации // Социалистическая Адыгей. 1989. 23 сент. (на адыг. яз.); Керашев Ан. Сефер-бей Заноко: политический портрет // Адыгейская правда. 1990. 16 мая; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994; Блиев М.М., Дегоев В.В. Указатель сочинений. С. 182-234; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. С. 158-194.
16. Муфти Х.Ш. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1996; Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996.
17. Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн 1819–1859 гг. Нальчик, 1996.
18. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы): этнос, диаспора. Майкоп, 2024. С. 46-58.
19. Кандур М. Указ. соч. С. 177.

20. Покровский М.Н. Указатель сочинений; Гаджиев В.Г. Нерешенные и спорные вопросы истории Кавказской войны // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998.
21. ГАКК. Ф. 221. Черноморской береговой линии. Св. 128. Д. 1041. Л. 39.
22. ГАКК. Ф. 260. Черноморской береговой линии. Св. 177. Д. 1406. Л. 195.
23. Агрба Б.С.; Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Майкоп, 2004. С. 39-40.
24. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.
25. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик. 1997.

REFERENCES

1. Potto, V.A. The Caucasian War (in separate essays, episodes, legends, and biographies). Stavropol, 1994; Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack Host. Ekaterinodar, 1910. Vol. 1/2; Esadze S. Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. Maikop, 1993. [In Russ.]
2. Shcherbina, F.A. Op. cit. P. 555. [In Russ.]
3. Felitsyn, E.D. Prince Sefer-bey Zan // The Kuban Collection. Ekaterinodar, 1904. Vol. 10; Karlhof N. On the political structure of the Circassian Tribes inhabiting the Northeastern Shore of the Black Sea // The Russian Herald. Vol. 28. Moscow, 1860; Ibid. Magomet-Amin // The Caucasian Calendar for 1861. Tiflis, 1860; Volkonsky N.A. War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 due to Muridism // The Caucasian Collection. Vol. 10. Tiflis, 1886; Drozdov I. Review of Military Operations in the Western Caucasus from 1848 to 1856 // The Caucasian Collection. Vol. 10. Tiflis, 1886. [In Russ.]
4. Prushanovsky, K.I. Historical note on the beginning and development of the Spiritual War, Doctrine on the moral element of a man in Dagestan from 1823 to 1843 // The Caucasian Collection. Tiflis, 1902. Vol. 23. P. 1-73; Fadeev, R.A. Sixty Years of the Caucasian War. Tiflis, 1860. [In Russ.]
5. Fadeev, R.A. Op. cit. P. 37. [In Russ.]
6. Khan-Girey. Notes on Circassia. Nalchik, 1978. [In Russ.]
7. The Adyghe Enlightenment writers of the 19th century. Selected Works. Krasnodar, 1986. P. 107-165. [In Russ.]
8. Pokrovsky, M.N. Diplomacy and Wars of the tsarist Russia in the 19th Century. Moscow, 1924. P. 179-229. [In Russ.]
9. Bushuev, S.K. The Struggle of the Highlanders for Independence under the Leadership of Shamil. Moscow; Leningrad, 1939. [In Russ.]
10. Bagirov, M.D. The issue of the nature of the Muridism Movement and Shamil // Bolshevik. 1950. No. 13. [In Russ.]
11. Fadeev, A.V. Muridism as an instrument of aggressive policy of Turkey and England in the Northwest Caucasus // Questions of History. 1951. No. 9; Daniyalov, A.D. On Distortions in the Coverage of Muridism and Shamil's Movement // Questions of History. 1950. No. 9; Smirnov, N.A. Sheikh Mansur and His Turkish Inspiring // Questions of History. 1950. No. 10. [In Russ.]
12. Pikman, A.M. On the struggle of the Caucasian Highlanders against the tsarist colonizers // Questions of History. 1956. No. 3. [In Russ.]
13. Ibidem P. 81.
14. Smirnov, N.A. Characteristic features of the ideology of the Caucasian Muridism // Questions of the History of Religion and Atheism. Moscow, 1959. P. 177.
15. Chirg, A.Yu. Savior of the National Independence // The Socialist Adyghe. 1989. September 23 (in Adyghe); Kerashev An. Sefer-bey Zanoko: a political portrait // Adyghe Pravda. 1990. May 16; Degoev, V.V. The Caucasian issue in international relations of the 1830-1860s. Vladikavkaz, 1992; Bizhev, A.Kh. The Adyghe of the Northwest Caucasus and the Crisis of the Eastern Question in the late 1820-early 1830s. Maikop, 1994; Bliev, M.M., Degoev, V.V. Index of Works. P. 182-234; Bliev M.M. Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. P. 158-194. [In Russ.]

16. Mufti, H.Sh. Heroes and Emperors in the Circassian History. Nalchik, 1996; Berzage, N. The Expulsion of the Circassians. Maikop, 1996.
17. Kandur, M. Muridism. History of the Caucasian Wars of 1819-1859. Nalchik, 1996. [In Russ.]
18. Kudaeva, S.G. The Adyghees (Circassians): Ethnos, Diaspora. Maikop, 2024. P. 46-58. [In Russ.]
19. Kandur, M. Op. cit. P. 177. [In Russ.]
20. Pokrovsky, M.N. Index of Works; Gadzhiev, V.G. Unresolved and controversial issues in the history of the Caucasian War // The Caucasian War: controversial issues and new approaches. Abstracts of the International Scientific Conference. Makhachkala, 1998. [In Russ.]
21. The State Academic Conference of the Caucasian Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.
- F. 221. Black Sea coastline. St. 128. D. 1041. L. 39.
22. SAKK. F. 260. Black Sea coastline. St. 177. D. 1406. L. 195. [In Russ.]
23. Agrba, B.S.; Khotko, S.Kh. «Island» civilization of Circassia. Maikop, 2004. P. 39-40. [In Russ.]
24. Bgazhnokov, B.Kh. The Adyghe ethics. Nalchik, 1999. [In Russ.]
25. Unezhev K.Kh. Phenomenon of the Adyghe (Circassian) culture. Nalchik, 1997. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Светлана Григорьевна Кудаева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и права. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация. г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: svetlana_asku@mail.ru

Svetlana G. Kudaeva, Dr Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of History and Law. Maikop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: svetlana_asku@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 14.10.2025

Received 14.10.2025

Поступила после рецензирования 11.11.2025

Revised 11.11.2025

Принята к публикации 12.11.2025

Accepted 12.11.2025